

<28 декабря 1928>

«В ОРГАНИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА
в г<ороде> МОСКВЕ, Кузнецкий мост, № 26

Анны Индриковны АБОЛИНОЙ, временно
находящейся на пересыльном пункте в
г<ороде> Самаре на пути следования в
г<ороде> Новосибирск, куда
административно выслана,
ранее проживавшей в г<ороде>
Витебск по Рыночной улице, № 26

Я убедительно прошу обратить внимание на мою жизнь, полную трагизма, войти в мое безвыходное положение и оказать возможное гуманное содействие. Я беженка из бывшей Лифляндии, 50 лет от роду, по происхождению дочь помещичьего батрака, отец был убит деревом в лесу помещика, когда мне был 1 год от роду, мать — деревенская акушерка. Еще в молодости я увлеклась революционным движением в Прибалтийском крае, за что поплатилась лишением свободы в б<ывшей> Рижской Централке. Затем я вышла замуж за Карла Ивановича Аболина, служившего во Фридрихштадтском латышском полку и погибшего от руки белых в 1919 г. во время гражданской войны. Спасая двух малолетних детей, я направилась в пределы РСФСР, но на пути мой сын был разорван в куски неприятельским снарядом, а дочь заразилась скарлатиной и умерла. Таким образом, в Витебске я потеряла всю свою семью, пережив страшные страдания, от которых не освободилась и до настоящего времени, кроме этого я все время болею.

Наконец, чтобы не умереть с голоду и поддержать оказавшего на моем иждивении двоюродного брата Ивана Ивановича Шнеера, безрукого инвалида гражданской войны, я поселилась в Витебске, где на базаре из небольшого ларька начала торговать молочными продуктами, получая от этого ничтожный заработок для самого жалкого сосуществования. Но все несчастья, которые обрушились на мою голову, предел еще не наступил: я жила в Витебске в доме, арендатором которого был Бруссер Залман, "Герой Труда", общественный человек, его все уважают. За разные склоки и дразги, и за неплатеж арендной платы квартирантами напали на него партийцы и мучили все время судами и арестами, все сговорились, чтобы его уничтожить. Он, Бруссер уехал в Москву к вождям революции, узнать, где революционная законность. Наконец, Бруссер своего добился у товарища Сольца. Витебская компания разгневалась на него за это и решила убрать Бруссера из Витебска на высылку — и вот они подвели провокацию. Арестовали меня за шпионаж, а его, якобы, как моего любовника. Он, якобы, видел, как арендатор дома, видел, что ко мне ходил Латвийский консул. Все это грязь и ерунда, ведь фактически они хотели выслать Бруссера за то, что он пишет в Центр на неправильные действия Витебских работников, а попала я, совершенно невинная несчастная женщина — жертва ревности и личных счетов.

В г<ороде> Витебске со мной познакомился и начал ухаживать некто Озолин, оказавшийся впоследствии преступным типом, осужденным за хищение имущества местным окружным судом на три года лишения свободы, и кроме того человеком женатым, имеющим двоих детей. Когда я, узнавши это, отклонила его ухаживания, Озолин решил жестоко отомстить мне. И был свидетелем по моему ложному делу в органах

Витебского ГПУ, заведомо ложное обвинение меня в преступных сношениях с проживающим в Витебске латвийским консулом, использовав тот невинный факт, что экономка или прислуга консула, тоже латышка, покупала в моем ларьке яйца и молочные продукты для своего хозяина. Далее этого мои отношения с латвийским консулом не шли. Однако ГПУ, будучи введено в заблуждение происками Озолина, произвело у меня 3 обыска, во время которых были обнаружены письма моих братьев из Латвии, старые латвийские газеты за 1926 г<од>, которые я купила у прислуги лат<вийского> консула на обертку. Письма были легального содержания, иначе они не были бы пропущены цензурой ГПУ. В административном порядке я была арестована и по статьям 66, 57 и 60 УК подвергнута высылке в Новосибирск сроком на три года.

В Витебске я принуждена была бросить на произвол судьбы последние остатки своих вещей и брата — безрукого инвалида гражданской войны. Не видя конца всем своим несчастьям и страданиям, которые я уже не в состоянии переносить даже физически, я обращаюсь с просьбой ходатайствовать об отмене высылки в порядке пересмотра моего кошмарного дела в органах ГПУ и смягчении моей участи, а именно об оставлении меня временно на жительство в самом г<ороде> Новосибирске, так как возможно меня отправят в глухую деревню, и своевременном применении ко мне амнистии или других льгот, имеющих последовать по случаю 10-тилетия БССР. Прошу вернуть меня к моему честному уголку. Я выбилась из сил из-за такой несправедливости, за чужие личные счета меня разорили и выслали. Я дошла до такого отчаяния, что не в состоянии пережить такое неслыханное несчастье и горе. Если Вы на сей раз оставите мою кровавую справедливую просьбу без внимания, то я решила покончить самоубийством. Где справедливость? Где пролетарский суд?

О последствиях настоящего ходатайства прошу не отказать в объявлении.

(подпись)

АБОЛИНА.

г. Самара.

25 ноября 1928 г<ода>»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Запр<осить> КРО о возм<ожности> пересмотра. Е.П. 29/XII».

¹ ГАРФ Ф. 8409. Оп. 1. Д. 348. С. 53-54. Машинопись.